

17. Дубенские // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 10: Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии, вып. 3: Давыдовские – Исленьевы / И. Ж. Рындин; под ред., с доп. проф. Б. В. Горбунова. – Рязань : Узорочье, 2008. – С. 106–108.

18. Чижков, А. Б. Рязанские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб / А. Б. Чижков, Е. А. Графова. – М. : Русская усадьба, 2013. г.

Загороднюк Н.И.
РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг.
ГЛАЗАМИ УНТЕР-ОФИЦЕРА А.А. ДУНИНА-ГОРКАВИЧА

В статье рассматриваются малоизвестные факты биографии исследователя Сибирского Севера А.А. Дунина-Горкавича. Его имя долгое время было в забвении, и только в конце XX в. отечественные и зарубежные исследователи проявили интерес к научному наследию самарского лесничего, чиновника особых поручений при Министерстве земледелия и государственных имуществ, оставившего след в российской науке как ученый-энциклопедист.

Уроженец Гродненской губернии, он прожил 72 года, из них 36 лет, ровно половину, – в Европейской части Российской империи, и столько же – в Сибири, Тобольской губернии. В многочисленных публикациях биографического характера скупно освещен его досибирский период жизни. Здесь сведения сводятся к информации, почерпнутой из формулярного списка чиновника: «Родился 10-го апреля 1854 года, вероисповедания римско-католического... Из дворян... По окончании курса наук в бывшем Лисинском лесном училище утвержден ... в звании лесного кондуктора ... Поступил в военную службу для отбывания воинской повинности по жребию... Вновь определен в лесное ведомство прежним званием с назначением на постоянную службу в Рязанскую губернию помощником лесничего...» и т.д. [7, д. 3, л. 1–8]. Скудность источников по данному периоду жизни ученого породила ряд разночтений, вплоть до мифотворчества. Чтобы восполнить пробел в биографии, обратимся к фактически неизвестному периоду его жизни – военной службе и участию в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Это стало возможным благодаря изучению его личного фонда, хранящегося в отделе рукописей Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Собрание включает более 2 тыс. документов, среди них его дневник – унтер-офицера лейб-гвардии I-го стрелкового батальона [7, д. 43]. Несомненный интерес представляет личное дело А. А. Дунина-Горкавича, хранящееся в Российском государственном историческом архиве, где среди документов, характеризующих служебную деятельность, имеются сведения, относящиеся к его военной службе [6]. Учитывая особенности документов личного происхождения, для реконструкции исторической действительности автор обратился к работам военных историков, в том числе монографии генерала-лейтенанта П. Карцова о лейб-гвардии Первом стрелковом батальоне, в основе которой – архивные документы, дневниковые записи офицеров, личные воспоминания автора [3].

Служба А.А. Дунина-Горкавича совпала с началом военной реформы 1870-х гг. Уставом 1874 г. предусматривались два вида службы – поступление на действительную службу и зачисление в ополчение. Вопрос о виде военной службы решался жребием [8]. Александру Дунину-Горкавичу выпал жребий – действительная служба. Как выпускнику Лисинского лесного училища ему предоставлялись определенные льготы: 1,5 года действительной службы вместо 6 лет и 13,5 лет – в запасе. Начавшаяся русско-турецкая война стала причиной удлинения срока службы: он был зачислен в Лейб-гвардии 1-й стрелковый батальон 24 ноября 1875 г., а уволен в запас 18 сентября 1878 г. (с общим сроком службы по 1 января 1891 г.) [6, л. 58].

Батальон был расквартирован в Царском Селе – местах, знакомых А.А. Дунину-Горкавичу со времен учебы. Гвардейские части были на особом положении: первый шеф батальона – сам император Александр II. А. Дунин-Горкавич еще воспитанником лесного училища ощущал на себе, как и другие учащиеся, покровительство высочайшей особы, к тому же участие в царской охоте будущих егерей несколько сближало главу государства и его подданных. К тому же командиром гвардейской стрелковой бригады, в состав которой входил 1-й стрелковый батальон, в 1873 г. был назначен сын императора Великий князь Владимир Александрович.

В дневнике, обыденно, без пафоса, неоднократно упоминаются император и члены императорской семьи, главы других государств, в основном, в сюжетах, посвященных смотрам и парадом: «Государь Император [Александр II – прим. авт.] делал парад перед выступлением» [7, д. 43, л. 12]; «Великий Князь Главнокомандующий [Великий князь Владимир Александрович –

прим. авт.] и здоровался с нами» [7, д. 43, л. 49]; «Князь Карл [румынский король Карл I – *прим. авт.*] здоровался, пропускал церемониалом и прочее» [7, д. 43, л. 18] и т.д.

А. Дунин-Горкавич приступил к службе в тот период, когда шли интенсивные преобразования в гвардейских частях. Неотъемлемой частью военной подготовки являлись систематически проводимые маневры на дальние расстояния, сменившие плац-парадные многочасовые марши. Для унтер-офицера Дунина-Горкавича военная жизнь с ее трудностями была не в диковинку – двухлетний опыт в лесоустроительной партии не прошел даром. Он был лучше приспособлен к военной службе и полевым условиям, чем те же выпускники университетов или духовных училищ.

В мае 1877 г. батальон выступил в летний лагерь под Красным Селом, а 20 июля размеренные лагерные учения были прерваны: командованием батальона было получено Высочайшее повеление о мобилизации гвардии в действующую армию. 14 августа батальон выступил из Царского Села. Российскую границу пересекли только 25 августа. 4 сентября прибыли в Горный Студень, где находилась штаб-квартира Главнокомандующего. 24 сентября двинулись к Плевне. Путь лежал через населенные пункты Овчая Могила, Лежаны, Парадим. Переход осложняли скверные погодные условия. Именно с этого момента начинаются записи в дневнике Дунина-Горкавича: «24 сентября, в субботу, мы выступили из Горного Студня. Погода не предвещала ничего хорошего. Ночью с 23-го на 24-е шел дождик, и с утра моросил мелкий дождь... Мы выступили в составе стрелковой бригады саперного батальона и летучего артиллерийского парка... Часа в 4 1/2 пополудни подошли к реке Осме. Через реку устроено два моста. За речкой болгарская деревня Болгарени... Тут мы и остановились на ночлег. Только что мы стали располагаться, как дождь разыгрался в полном разгаре, насилу мы могли поставить палатку. Земля стала жидка, так что колья не могли держаться, палатка несколько раз у нас срывалась и падала, темь страшная, дождь свищет как из ведра... В палатке у нас подстилки никакой, сырая земля... Ночью у нас сорвало ветром палатку и много нам было хлопот, покуда мы ее установили» [7, д. 43, л. 15]. На другой день погода ухудшилась: «Дождь лил весь день, дорога самая адская...».

Дунин-Горкавич подробно, на нескольких страницах, описывает переход от Болгарени до Парадима. Обозы с личными вещами и продуктами, как и маркитанты с провизией из-за плохой дороги отстали. После двух бессонных ночей «под стогом ... нашли приют, зарывшись в солому» [7, д. 43, л. 17].

Описание повседневной жизни занимает большую часть дневника. Так, он повествует о сложностях передвижения на территории противника, о бытовых трудностях – какие продукты питания можно было приобрести у местных жителей, как «чертовски трудно было доставать воду» и дрова, сухую подстилку для ночлега, как мастерски он сооружал шалаш, разжигал огонь и т.д.

Батальон, в котором служил Дунин-Горкавич, участвовал в семи крупных сражениях: взятиях укрепленной позиции между населенными пунктами Телишем и Горным Дубняком, Правецкой укрепленной позиции, Врачешского перевала, столицы Болгарии Софии, а также в сражениях при деревне Ташкессен, у местечка Враждебно на реке Искер, у деревень Кадыкой и Айранли. Только один бой – первый, под Плевной – был описан с мельчайшими подробностями в дневнике. Записи довольно точно передают не только состояние автора, но и события того дня: «...С рассветом [...] помолившись богу, тронулись [...] прямо к неприятелю. Пришлось идти через кукурузу, град пуль сыпался, но ни одна не [достала]... В это время турки стали стрелять из орудий, наши отвечали артиллерийским огнем (при нашей бригаде есть артиллерия и казаки)... Не доходя шагов 200 до ложементов, наши легли и открыли учащенный огонь и по мере возможности подбегали вперед» [цит. по: 4, с. 3].

Сражение под Горным Дубняком, по мнению Ю. Веремева, – атака в «старом добром молдецком стиле», когда на укрепленную высоту, обороняемую противником, вооруженным скорострельным оружием, в штыковую атаку сомкнутыми рядами были брошены лучшие войска Империи – личная гвардия Императора [1]. С юношеским азартом, нескрываемым восторгом описывает он свои ощущения первой победы, где русские войска – это «наши», а неприятель – «турки», «каналы», слабые, трусливые, не умеющие воевать: «Неприятельские пули свистят, как рой пчел, наша артиллерия жарит залпами в турецкие ложементы. Наконец, с левого фланга появились измайловцы [Лейб-гвардии Измайловский полк – *прим. авт.*] [...] и вслед за сим [...] часть наших ... бросилась на «ура». Тут уж и турки не устояли и в беспорядке и смя-

тении бросились кто за дорогу, кто в свой правый ложемент, а кто хотел задать стрелкача, то попали на штыки измайловцам, а тут, кстати, справа подходил Московский полк. Досталось же туркам... Рвы ложементов завалены убитыми турками...» [цит. по: 4, с. 3–4].

Спустя несколько месяцев, пережив ужасы войны с человеческими потерями и постоянной угрозой жизни, Дунин-Горкавич сумел увидеть то, что не многим удастся, – трагедию войны, где враг – тоже человек. Находясь в госпитале, 18 декабря того же года он записал в дневнике: «У нас в шатре пленный турок с отмороженными ногами. Многие из них сделались жертвой мороза». Здесь же: «Когда я ехал в транспорте, то видел ужасающую картину. От Дальнего Добника до Плевны весь путь усеян замерзшими турками» [7, д. 43, л. 32–32 об.].

Жестокие морозы, сильный ветер стали серьезным испытанием для гвардейцев. «Обернув ноги рогожею или полотном палатки, часто облепленные мокрым снегом, стояли стрелки в цепи, впившись глазами в сторону неприятеля. Ни утомление, ни стужа и буря не отвлекали их от исполнения долга», – писал П. Карцов [3, с. 189, 190].

В декабре Дунин-Горкавич заболел и оказался в полевом госпитале. Свое пребывание вне строя он охарактеризовал так: «Холодно и скучно». С первым бороться было сложно: «Два дня подряд степная пурга, сугробы. Маленькая печка в шатре не в состоянии согреть, да и крайний недостаток в дровах. Дрова выдаются чуть ли не строже хлеба, да и в окрестности дров нет, все ушло на постройку редутов под Плевной. Вчерашнюю ночь я проснулся – ветер свищет, завывает, рвет всю палатку, трещат веревки. И наш шатер в это время походил на корабль во время бури». Чтение приключенческих книг помогало бороться со скукой: «Под влиянием этих романов носишься мысленно по степям и девственным лесам Америки, то мысленно переносишься в Европу, благословенную Швейцарию, то опять в Америку, на Ниагару» [7, д. 43, л. 32–33].

Не секрет, что многие из тех, кто оказался на войне, рассматривал заграничный поход как возможность увидеть мир. Александр Дунин-Горкавич не был исключением. За свои 20 лет он пожил в Гродненской, Санкт-Петербургской, Рязанской, Самарской губерниях. Болгария его поразила ландшафтом, особым колоритом быта, обычаями и традициями местных жителей: «Изучая географию [в училище – *прим. авт.*], Балканскому полуострову был посвящен самый незначительный отдел, а болгары только упоминались. В истории уже больше можно было почерпнуть сведений об этой стране и страдальцах, населяющих ее. Ныне же пришлось воочию увидеть эту страну, и считаю долгом изучить ее хотя бы в географическом отношении...» [7, д. 43, л. 25].

Он не только видел, но и знал лиственные, смешанные, хвойные леса, большие и малые реки, озера и болота и их обитателей, а вот горы увидел здесь впервые. Не скрывая восторга, замечает: «Ах, что живописная местность, кругом горы с платами известняка...» Или: «Очень узкая дорога круто спускалась по горе, кругом овраги, а по ним сочатся ручейки из ключей... По горе мелкий лес: дуб, груша и еще какие-то туземные кустарники...» [7, д. 43, л. 21 об., 22]. Здесь же он впервые увидел море: «Пройдя верст десять, нам открылся вид Мраморного моря. Так, море пришлось мне увидеть впервые, то это меня заинтересовало... На большом привале я спустился к морю, первым делом отведал воды, так как у нас был спор, что во внутренних морях вода несоленая, но вода оказалась страшно солёная, но чиста и прозрачна, как стекло, дно пепельного цвета, цвет воды против солнца принимал разноцветные радужные отливы... Я стал собирать раковины на память и так увлекся видом моря, что не заметил, как батальон ушел дальше...» [7, д. 43, л. 42 об. – 43]. Это влечение увидеть и познать мир, побывать там, где не ступала нога человека, он сохранит на всю жизнь. Спустя четверть века, публикуя материалы своих исследований, он напишет, что экспедиция на реку Вах (1899 г.) ничто иное как путешествие «во вкусе героев Майн Рида» [2, с. 40]. За четверть века активных исследований Северо-Западной Сибири, по подсчетам профессора Ю.П. Прибыльского, он «прошел пешком по таежным дебрям, проехал на лошадях по зимним дорогам, проплыл на лодках по рекам и озерам свыше 50 тысяч километров» – одну четверть длины земного экватора [5, с. 10].

Последний месяц войны. Записи лаконичны, нет и следа от юношеской удалы, нет поэтического настроения, чувствуется усталость от многодневных переходов. Памятными для участников военного похода стали события 19 февраля 1878 г. В этот день состоялся парад войск и были оглашены условия мирного договора. Понимая важность произошедшего, Дунин-Горкавич описывал увиденное: «Парад был назначен в два часа пополудни. С 11 часов стали собираться войска, проделывали на плацу репетицию. Музыка гремела все время. Парад отменили до шес-

ти часов вечера, вероятно, вследствие того, что не получили новые известия из Константинополя...» [7, д. 43, л. 50–50 об.].

Радость победы была омрачена новостью – 26 февраля командование батальона получило телеграмму об отправке 1-го гвардейского и гренадерских корпусов в Киев «для стоянки там резервом ввиду предстоящей войны с Австрией» [7, д. 43, л. 48–48 об.]. Ожидание отправки на родину затянулось. В мае Англия ввела в акваторию Мраморного моря свой флот. Русское командование вынуждено принять срочные меры. В таком состоянии – «ни войны, ни мира» – батальон провел два месяца, до окончания Берлинского конгресса. Только 22 августа на пароходе с пристани С. Стефано батальон был отправлен на родину. 13 сентября батальон торжественно вышел из Гатчины в Царское Село, где состоялись торжества в честь победителей.

19 сентября 1878 г. командир батальона объявил об отставке 102 чел. и увольнении в запас 270 военнослужащих. Так завершилась служба унтер-офицера А. А. Дунина-Горкавича в действующей армии.

1. Веремеев, Ю. Анатомия армии [Электронный ресурс] / Ю. Веремеев. – Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/dubnak.shtml>. – Дата обращения: 21.02.2014.
2. Дунин-Горкавич, А. А. Географический очерк Тобольского Севера (Доклад, читанный 22 апреля 1903 г. в Императорском Русском Географическом Обществе) / А. А. Дунин-Горкавич. – СПб. : Тип. М. Стасюлевич, 1904. – 53 с.
3. Карцов, П. Исторический очерк лейб-гвардии Первого стрелкового Его Императорского Величества батальона с 1856 по 1885 год / П. Карцов. – СПб. : Тип. Ф. С. Сушинского, 1885. – 305 с.
4. Полозкова, Г. Поиски и открытия Дунина-Горкавича / Г. Полозкова // Дунин-Горкавич А.А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. – Шадринск : Исеть, 1994. – С. 3–10 (Библиотечка журнала «Югра»).
5. Прибыльский, Ю. П. Жизнь и творчество А. А. Дунина-Горкавича / Ю. П. Прибыльский // Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич / сост. Н. И. Загороднюк. – М. : ГАЛАРТ, 1995. – С. 6–21.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 387. Оп. 24. Д. 2400 (Личное дело А. А. Дунина-Горкавича).
7. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ). Ф. 1. Оп. 1 (Фонд А. А. Дунина-Горкавича).
8. Устав о воинской повинности, Высочайше утвержденный 1 января 1874 года // ПСЗРИ. Т. 49. Отд. 1. № 52983. Глава 1. П. 1.– [б.м., б.д.]. (отд. оттиск).

Антановіч З.В.

**ВЫДАЧА ВЫПИСАЎ З МЕТРЫЧНЫХ КНІГ
КАСЦЁЛАЎ МАГІЛЁўСКОЙ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ КАНСІСТОРЫЯЙ
У XIX – ПАЧАТКУ XX ст. (ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ НГАБ)**

Адной з асноўных функцый канфесіянальных устаноў, у тым ліку рымска-каталіцкай царквы, да 1917 г. з’яўлялася рэгістрацыя грамадзянскага стану, што ажыццяўлялася ў метрычных кнігах аб народжаных, шлюбаваных і памерлых асобах [7]. Акрамя непасрэднага прызначэння яны шырока выкарыстоўваліся ў справядстве рымска-каталіцкіх кансісторый для дэмаграфічнага і статыстычнага ўліку, прагназавання і аргументацыі развіцця прадстаўніцтваў царквы, а таксама ў даведачных мэтах. Азначаныя крыніцы з’яўляюцца падставовымі пры правядзенні генеалагічных даследаванняў, аднак, іх комплекс захаваўся не цалкам, што патрабуе прыцягнення іншых матэрыялаў, сярод якіх цікавасць прадстаўляюць выпісы з метрычных кніг. Нягледзячы на тое, што яны складаюць каля 25% складу архіўнага фонду “Магілёўская рымска-каталіцкая кансісторыя” у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (далей – НГАБ) і 30% матэрыялаў справядства ўстанова [1], азначаныя дакументы амаль не выкарыстоўваюцца даследчыкамі з-за недаацэнкі крыніцазнаўчага патэнцыялу і адсутнасці навукова-даведачнага апарату ў архіве. Пры гэтым у выпадках складанасцяў аднясення асобы да парафіі і незахаванасці асноўных генеалагічных крыніц, выпісы прадстаўляюць магчымасць далейшага правядзення даследавання.

Выпіс прадстаўляе сабой дакладны і завераны ўпаўнаважанымі асобамі запіс з метрычнай кнігі аб нараджэнні, шлюбе або смерці асобы, што надае навуковую вартасць нават іх фальсіфікацыям. Гэтыя дакументы выкарыстоўваліся прыватнымі асобамі і дзяржаўнымі ўстановамі пераважна для пацвярджэння шляхецкага паходжання і рашэння судовых спраў. Інтэнсіўнай таксама была перапіска з прысутнасцямі па воінскай павіннасці ў мэтах фарміравання рэкруцкіх спісаў [2, арк. 7–8 адв.]. У першай трэці XIX ст. выпісы з метрычных кніг выдаваліся непасрэдна парафіяльнымі святарамі, а зацвярджаліся дэканамі, што, аднак, не садзейнічала хуткасці разгляду [4, арк. 7–8 адв.]. Паводле скаргаў да мітрапаліта святары і кансісторыя затрымлівалі іх выдачу, нават тэрмін звыш года і збіралі за гэта сродкі. За іх дадатковым зацвярджэннем у Магілёўскую кансісторыю, дзе канцэнтраваліся копіі метрычных кніг